

**К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ  
А.В. БРУШЛИНСКОГО**

**ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ –  
ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА<sup>1</sup>**

© 2008 г. В. В. Знаков

*Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН, Москва*

Представлены предварительные итоги формирования психологии человеческого бытия, возникшей на основе психологии субъекта А.В. Брушлинского. Описаны три основные парадигмы исследования психики с позиций психологии человеческого бытия: когнитивная, герменевтическая и экзистенциальная. Выявлены три типа понимания, соответствующие названным подходам к научному анализу психики субъекта: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Рассмотрены контексты, в которых реализуются современные психологические исследования, проводимые последователями трех научных парадигм.

*Ключевые слова:* психология субъекта А.В. Брушлинского, психология человеческого бытия, понимание; когнитивная, герменевтическая и экзистенциальная научные традиции исследования психики.

Творческое наследие А.В. Брушлинского огромно и еще до конца не оценено современными психологами. Научная ценность наследия состоит в том, что оно не лежит мертвым грузом: после смерти ученого его идеи получили плодотворное развитие в трудах его учеников и последователей [15, 16, 20, 22, 23, 27]. Одним из перспективных направлений развития психологии субъекта в том ее варианте, который разработал Брушлинский [6–8], является психология человеческого бытия.

*Цели статьи* – подвести предварительные итоги становления новой области психологического знания – психологии человеческого бытия, проанализировать ее сходство и различие с психологией субъекта, наметить перспективные направления исследований.

Вначале кратко опишу теоретические основания, предмет и методы одного из направлений психологических исследований – психологии человеческого бытия (см. [11–13, 25]).

**Теоретические положения** психологии человеческого бытия невозможно описать без обращения к более широкому, чем конкретно-психологический, – философскому контексту решаемых в ней проблем. Как известно, категория “бытие” принадлежит к основополагающим понятиям философии. Под бытием понимается сущее: то, что существует сейчас, существовало в прошлом и будет существовать в будущем. Несмотря на такой всеобъемлющий и, казалось бы, вневременный характер бытия, с гносеологической точки зрения в нем следует различать два

главных периода – до и после возникновения человека и человечества. Такое различие принципиально важно, потому что человек представляет собой новый уровень сущего в процессе его развития: при соотнесении с ним выявляются новые свойства в бытии всех прежних уровней. Как убедительно показал С.Л. Рубинштейн, с появлением человека, “возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как “мир”, соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого” [19, с. 63].

В западной экзистенциальной философии и психологии “бытие” и “существование” различаются. По мнению экзистенциалистов, “бытие” относится к окружающему человека природному и социальному миру, а “существование” – к внутренней жизни, индивидуальному Я. Основной мотив различения заключается в том, чтобы подчеркнуть, что мир всегда стремится подавить индивидуальность, сделать ее частью общего безличного бытия. Естественным следствием противопоставления бытия и существования, противоречия между ними становится возникновение у человека чувства одиночества, тревоги, тоски, ощущения бессмысленности жизни.

Принципиально иначе проблема соотношения бытия и существования решается в русской экзи-

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 07-06-00059а).

стенциальной традиции, в частности в персоналистической философии Н.А. Бердяева. В ней устанавливается различие между личностью и индивидуумом. Индивидуум есть категория природная и социальная. Индивидуум является такой неделимой частью целого (рода или общества), вне которого он не может быть назван индивидуумом. Он характеризуется стремлением к эгоистическому самоутверждению. "Поэтому индивидуализм, производный от слова "индивидуум", совсем не означает независимости по отношению к целому, к процессу космическому, биологическому и социальному, а означает лишь изоляцию подчиненной части и бессильное восстание ее против целого" [3, с. 38]. По Бердяеву, человек есть микрокосм, универсум, но в качестве не индивидуума, а личности. Именно с личностью связана идея человека, его призвания в мире. Личность – это духовная категория, она характеризует свободу и независимость человека по отношению к природе, обществу, государству. Личности чуждо эгоистическое самоутверждение, наоборот: "персонализм не означает, подобно индивидуализму, эгоцентрической изоляции. Личность в человеке есть его независимость по отношению к материальному миру, который есть материал для работы духа" [там же, с. 39].

Нельзя не заметить, что содержание бердяевской категории "личность" в современной психологии во многом соответствует определению "субъекта" Брушлинским. Субъект "всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен. Не только общество влияет на человека, но и человек как член общества – на это последнее. Он – и объект этих влияний, и субъект, в той или иной степени воздействующий на общество. Здесь не односторонняя, а именно двусторонняя зависимость. Тем самым признается абсолютная ценность человека как личности с безусловными правами на свободу, саморазвитие и т.д. Такова основа основ гуманистического подхода к проблеме человека" [8, с. 507].

Корни противоречия в западной науке между бытием и существованием следует искать именно в индивидуалистической трактовке человека как существа хотя и социального, но эгоцентричного, направленного прежде всего на отстаивание своих интересов и удовлетворение собственных потребностей. Пути разрешения указанного противоречия, намеченные в персоналистической философии Бердяева, в нашей психологической науке нашли наиболее полное воплощение в субъектно-деятельностном подходе Рубинштейна, психологии субъекта Брушлинского и таком современном варианте их развития, как психология человеческого бытия. В рамках названных концепций онтологические предпосылки исследования субъект-объектных отношений основыва-

ются на том, что мир, включающий других людей, анализируется как предпосылка подлинного существования субъекта. Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, отношения и переживания, созерцания и постижения. Следовательно, бытие включает в себя реально существующего субъекта.

**Предметом исследования психологии человеческого бытия** как области психологической науки являются не психические процессы или свойства (мышление, эмоции, внимание и т.п.), а смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. Основной акцент здесь делается на анализе *ценностных, аксиологических аспектов бытия человека*. Иначе говоря, предметом исследования становятся целостные ситуации человеческого бытия, включающие понимающего их субъекта. Это полностью соответствует макроаналитическому методу исследования психики, успешно применявшимся Брушлинским и являющимся одним из основных в психологии субъекта [6–8, 12].

Психология человеческого бытия на новом витке спирали развития научного познания исследует классические проблемы так называемой вершинной психологии: смысла жизни, свободы, духовности, гуманизма. Вместе с тем она изучает и классические экзистенциальные проблемы: одиночества, осмысленности или абсурдности бытия, отношения субъекта к жизни и смерти. Особое и, пожалуй, центральное место в психологии человеческого бытия занимают проблемы, возникающие в критические периоды жизни субъекта, т.е. тогда, когда происходит разрыв привычного существования. Это бывает при опасной болезни, утрате близких, страхе смерти у летчиков-испытателей или обычных людей, которые оказались на месте теракта или техногенной катастрофы. Научно значимыми в этом контексте являются исследования понимания разными категориями людей экзистенции, рациональных и эмоциональных оснований выбора у женщин, принимающих экзистенциально трудное решение об искусственном прерывании беременности, самопонимания хирургов, выполнивших неудачную операцию, и другие.

Вместе с тем следует признать, что для осмысления субъектом серьезных экзистенциальных проблем ему не обязательно находиться в критических ситуациях. Обычно человек живет такой привычной жизнью, в которой он иногда невольно оказывается не субъектом, а объектом действий и решений со стороны других людей. Однако в особые "часы ясности" человек склонен задумываться о своей жизни. Перед ним встают вопросы: "Зачем жить?" и "Как жить?" Отвечая на них, он должен обратиться к собственным

внутренним ценностям, иначе не сможет стать свободным, ответственным и самостоятельным субъектом. Как известно, вопросы о смысле жизни возникают у каждого человека еще в подростковом возрасте, а отвечает он на них в течение всей жизни, вплоть до глубокой старости.

Таков краткий перечень проблем, входящих в предмет психологии человеческого бытия. Наиболее общей среди них, прямо или косвенно включающей все названные выше, является проблема понимания субъектом мира и себя в мире.

**Методы познания психической реальности.** В психологии человеческого бытия используются традиционные методы психологического исследования: опросники, метод микросемантического анализа, методика определения гендерной идентичности и др. Главная цель выбора методик, необходимых для проведения конкретного исследования (например, изучения оптимизма), состоит в том, чтобы их набор давал психологу возможность делать выводы о сочетании *отражения* субъектом воспринимаемых фрагментов объективной действительности и *порождения, конструирования* им новых реальностей. Наиболее полно и точно такое сочетание выражено в *нарративном принципе*. Этот принцип, являясь одним из основных методов психологии человеческого бытия, позволяет объединить усилия когнитивных и экзистенциальных психологов. В современной психологии представления о нарративе как организующем принципе, лежащем в основе человеческих действий и поступков, развиваются Дж. Брунером, Т.Р. Сарбином и другими учеными. Нарратив – это такой способ организации эпизодов, действий и описаний действий, который включает как смыслы поступков людей, так и причины происходящих событий [21, 30].

Таковы кратко изложенные теоретические основания, предмет и методы психологии человеческого бытия. Поскольку эта область психологической науки имеет непосредственное отношение к субъектно-деятельностному подходу, необходимо проанализировать соотношение психологии субъекта и психологии человеческого бытия. Отмечу три основных момента.

1. Психология человеческого бытия является частью психологии субъекта и, следовательно, уже по содержанию и решаемым задачам. В постнеклассической психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех предыдущих исследований Брушлинского. К ним относятся: вопрос о наследственных предпосылках психического развития, соотношении биологического и социального в развитии личности; принцип детерминизма, соотношение внешних причин и внутренних условий в детерминации психики; проблема дискретности–недизъюнктивности и непрерывность организации психических

процессов; проблема общественного–индивидуального в психике человека и культурно-историческая теория мышления; мышление как процесс и проблема деятельности; идущие от Рубинштейна исходные положения субъектно-деятельностной теории и проблема субъекта в психологической науке; наконец, психология субъекта как целостная область психологического знания, психология созидания, ориентированная на анализ таких ценностей, как свобода, духовность, нравственность, гуманизм. Психология человеческого бытия имеет непосредственное отношение только к двум последним проблемам: она направлена на анализ *смысловых и ценностных контекстов жизни субъекта, в которых формируются и проявляются его субъектные качества*.

2. Психология человеческого бытия основана не на *субъектно-деятельностном*, а на *субъектно-подходе* в психологии. Очевидно, что жизнь человека нельзя рассматривать только как непрерывную череду сменяющих друг друга деятельностей. Это означает признание того, что в формировании психики большую роль играют недействительные по своей природе феномены: общение, переживание, созерцание, постижение и др. Выход за пределы сиюминутного деяния, целенаправленная устремленность на реализацию своего призвания или дела, которому служишь, не только побуждают человека к связыванию воедино прошлого, настоящего и будущего своей жизни. Все это способствует развитию субъектности, формированию и реализации субъектных качеств человека, начиная с младенческого возраста и заканчивая периодом старости.

3. Творческое развитие психологии субъекта А.В. Брушлинского сегодня привело психологов к осознанию того, что ее предмет неоднороден: он включает и субъекта деятельности, и субъекта развития, и субъекта жизни [24]. Психология человеческого бытия изучает преимущественно *субъекта развития и субъекта жизни*. Об этом свидетельствуют, в частности, уже проведенные исследования: понимания субъектом манипулятивного поведения; половых, гендерных и личностных различий в понимании людьми разного возраста моральной дилеммы; половых и возрастных различий в когнитивных и экзистенциальных компонентах самопознания и самопонимания (см. [13]). Как названные, так и другие исследования ориентированы на выявление не процессуально-деятельностных, а результативных составляющих понимания субъектом мира в разные периоды его жизни.

*Понимание – центральная проблема психологии человеческого бытия.* Являясь не просто одним из феноменов человеческой психики, сопоставимым, например, с объяснением или предсказанием, понимание в разных ситуациях чело-

веческого бытия возникает на различных психологических основаниях. В одних ситуациях оно основано главным образом на знании. В других – на интерпретации, базирующейся на соотношении понимаемого со структурой личностного знания, а также на приобщении понимающего субъекта к образцам поведения, ценностям и смыслам, на которые ориентируются определенные группы людей. Наконец, встречаются ситуации, которые психологу невозможно понять без вдумчивого анализа глубин бессознательного, условий существования и экзистенциальных проблем людей. Тип понимания психологом изучаемых проблем определяется тем, какие рассуждения он считает рациональными (и, следовательно, научными) при проведении исследования. С позиций психологии человеческого бытия выделяются три главных типа понимания, соответствующие разным научным парадигмам, традициям исследования психики. Когнитивной традиции соответствует *понимание-знание*, герменевтической – *понимание-интерпретация*, экзистенциальной – *понимание-постижение*.

Кратко опишу три названных типа понимания и парадигмы исследования психики.

**Когнитивная традиция** изучения психической реальности характеризуется акцентом на познании и поведении человека, стремлением ученых выявить общие закономерности психического развития, большим интересом к фактам и правилам, чем к исключениям. Данные исследования в основном имеют отражательно-познавательную направленность, т.е. ориентированы на изучение того, как субъект отражает и познает окружающую действительность и свой внутренний мир.

Понимание-знание является не только психологическим, но и лингвистическим феноменом, представленным в семантике русского языка. Б.Л. Иомдин, разрабатывая языковую модель понимания, различает понимание-мнение и понимание-знание. Семантика последнего включает в себя: “осознавать смысл”, “владеть языком”, “разбираться”, “сочувствовать” [14]. Психологам давно известно, что необходимость наличия у субъекта предварительных знаний об объекте понимания следует из мнемического условия: человек понимает только то, что может соотносить со своими знаниями и что не противоречит его прошлому опыту [13]. Отсутствие знаний ведет к непониманию.

Современные исследования побуждают психологов вернуться к классическому вопросу о соотношении мышления, знания и понимания [9]. Вероятно, прав был российский мыслитель А.Ф. Лосев, который писал: “Мышление и понимание – принципиально различные сферы сознания... Мышление есть как бы некий механизм, превращающий неоформленное сырье в данные техни-

чески оформленные вещи. Понимание же заново перекраивает и переделывает эти вещи, придавая им новый стиль и новое единство, какого там, в первоначальном их появлении, совсем не было... Понимание даже не есть процесс чисто интеллектуальный, каковым, несомненно, является мышление” [17, с. 49].

Мышление человека представляет собой познавательную деятельность, в ходе которой субъект, взаимодействуя с объектом, выявляет некоторые неизвестные ранее стороны, свойства последнего, получая новые знания о нем. Однако понимание как компонент мышления имеет непосредственное отношение не к выявлению новых знаний о действительности, а к их усвоению (путем соотношения отраженных в знании известных и новых сторон познаваемого объекта). Понимание является осмыслением отраженного в знании объекта: понимание – формирование смысла знания в процессе действия с ним. Понимание именно тем отличается от знания, что представляет собой осмысление знания, действия с ним. Действуя, мысленно преобразуя отраженный в знании фрагмент действительности, человек выходит за его непосредственные границы: например, понимая художественное произведение, картину, зритель (соучастник творчества) включает его объективное содержание в контекст своего опыта и пытается определить замысел художника. Осуществляя выводы, выдвигая гипотезы, совершая другие мыслительные действия по преобразованию объекта познания, человек получает новое знание о нем. Вследствие этого в акте понимания субъекту нередко открываются такие стороны объекта, которые не были в явном виде представлены в исходном знании [13].

Анализ знаний, необходимых для понимания, – распространенный методический прием в современной психологии, особенно когнитивной. Когнитивная традиция психологического познания основана на применении таких методов, которые выявляют знания о закономерных, как правило, повторяющихся событиях и явлениях. Закономерности в когнитивной психологии нередко отражаются в моделях. При этом считается, что понимать факт, событие или явление – значит иметь его рабочую модель. В частности, П.Н. Джонсон-Лэйрд соотносит понимание с созданием мысленных моделей и полагает, что понять фрагменты каких-либо событий или ситуаций можно, только сформировав мысленное представление, являющееся моделью целого [31]. Ранее подобную точку зрения высказывал А.А. Брудный. Он рассматривал понимание как взаимодействие понимающего субъекта “с некоторым объектом, в результате которого воссоздается работающая модель этого объекта. Понять – значит собрать работающую модель” [5, с. 115].

Типичные примеры употребления понятия “понимание” с когнитивных позиций (применительно к пониманию детьми обмана, эмоций, моделей психического других людей) приводятся в работах Е.А. Сергиенко. Продуктивно развивая психологию субъекта А.В. Брушлинского, она считает, что понимание является такой специфической для субъекта когнитивной функцией, которая играет значимую роль в формировании и развитии субъектных качеств человека. Понимание субъектом окружающего мира включает внутренние модели (физического и социального мира) и смысловые образования, опосредствующие его индивидуальную специфику осмысления окружающих событий и явлений [23, 24]. Фактически в исследованиях Сергиенко и ее учеников понимание рассматривается прежде всего как *метод* познания субъектом мира, дополняющий антиципацию, объяснение и другие интеллектуальные операции и действия.

Наличие предварительных знаний о понимаемом играет существенную роль во многих ситуациях человеческого бытия. Далеко не всегда нам хватает знаний, необходимых для полного понимания смыслов тех проблем, ситуаций, в которых мы оказываемся. Например, гуманитарий, случайно попавший на научный доклад по теоретической физике и задумавшийся над тем, о чем идет речь, в лучшем случае поймет только то, что обсуждаются проблемы физики твердого тела или квантовой электродинамики. И в большинстве случаев ему будет этого достаточно. Однако в жизни бывают и другие ситуации. Для понимания смысла поступка человека или лозунга политической партии необходимо выявить цели, которые они стремятся достичь, и ценности, на которые ориентируются. Это такие ситуации человеческого бытия, к которым неприменимо понимание-знание.

**Герменевтическая традиция.** Понимание-интерпретация возникает у субъекта в результате отнесения понимаемого к какой-то определенной категории, выражающей то или иное положение вещей, ценность, норму, смысл и т.п. Показательные примеры понимания-интерпретации приводятся в интересном исследовании Р. Шенка с соавторами. В нем выделяется семь типов намерений, “расшифровывание” которых ведет к появлению у слушателя различных смыслов понимаемого высказывания: смысла предписания, аргументации, потребности и т.п. [32]. Очевидно, что в этом случае смысл высказывания зависит не только от объективно сказанного. Значимую роль играют субъективные способы “расшифровки” целей говорящего, а также ценностно-смысловые установки слушателя, побуждающие его осуществлять интерпретацию путем обращения к определенной категории.

Понимание-интерпретация формируется и у людей, по-разному интерпретирующих смысл пословицы (например, “Лес рубят – щепки летят”), причем индивидуальная специфика интерпретации определяется не только интеллектуальными факторами, осмыслением ситуации, отраженной в пословице. Не меньшее значение имеют психологические особенности личности понимающего субъекта, в частности переживаемые им мотивационно-аффективные конфликты, порождающие избирательные искажения в мыслительной деятельности [1].

Исследование индивидуально-личностных характеристик субъекта познания и общения является отличительным признаком герменевтического подхода к исследованию психики. Как отмечает А.Ф. Закирова, “в герменевтике усвоение не сводится к овладению готовым заданным смыслом, напротив, понимание приводит к раскрытию новых аспектов смысла, его глубинного уровня. Понимание зависит не только от того смысла, который придал предмету понимания его автор. Интерпретатор не просто открывает готовый смысл, но привносит нечто от себя, так как подходит к предмету с определенных позиций личного опыта, своих идеалов и убеждений” [10, с. 42].

В герменевтике понимание первоначально рассматривалось как способ выявления, экспликации того, что уже предзадано, заложено в тексте. Процедуры обнаружения смысла текста в процессе его интерпретации реконструировали изначальный замысел автора. После публикации работ В. Дильтея, М. Вебера и А. Шютца произошла универсализация процедур понимания, которые стали рассматриваться как основа познания, особенно в области социальных наук. Распространенной стала точка зрения, согласно которой в процессе понимания происходит продуцирование новых знаний. Это следствие трактовки понимания как интерпретации: объясняя знания на одном уровне, понимающий субъект подготавливает почву для переинтерпретации фактов на более высоком уровне. В результате переинтерпретация становится основой для объяснения понимаемого. В герменевтической традиции переинтерпретация нередко обнаруживается, например, при психологическом анализе процессов понимания повествований, историй человеческой жизни. Важная функция историй состоит в преодолении прошлого. Преодоление прошлого – это особый способ того, как человек справляется с непредвиденными обстоятельствами. Суть способа – “перерассмотрение”. Этот термин активно используется в литературной критике. Приставки “пере” и “рас” имеют разное смысловое значение. Процесс “перерассмотрения” отражается в таком способе прочтения текста, который способен его разрушить (в целях анализа отдельных частей

текста). Смысл, полученный таким образом, может противоречить смыслу всего текста в целом. Г. Бёме, изучавший именно эти аспекты перерасмотра, назвал их “смыслом” и “противосмыслом” [29].

Интерпретация является центральной категорией герменевтики. Интерпретация – это такая работа мышления, которая состоит в расшифровке смыслов, скрытых в культуре. Расшифровать смысл – значит за буквальным значением слов увидеть все богатство возможных смыслов. Интерпретировать – значит идти от явного смысла к смыслу скрытому. Работа по интерпретации обнаруживает глубокий замысел. Он состоит в том, чтобы преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста. Читатель должен как бы поставить текст на один уровень с собой, включить смысл этого текста в свое понимание.

В процессе интерпретации интерпретируемый и потому конструируемый мир текстовых событий, соприкасаясь с реальным внутренним миром читателя, изменяет его. Интерпретация способствует созданию новой жизненной позиции читателя, формированию нового самопонимания. По П. Рикёру, повествование как бы возвращается в жизнь, вписывается в мир повседневного опыта интерпретатора: при помощи повествований жизненному опыту субъекта придается новый смысл [18].

Бытие человека заключается в том, что он присваивает смыслы, заключенные в культурных памятниках. Человек существует, понимая окружающий мир. В таком случае понимание оказывается уже не одной из процедур человеческого познания, а становится способом бытия. Бытие существует, понимая. Задача герменевтики состоит в том, чтобы показать, что существование человека обретает смысл лишь путем интерпретации всех значений, которые рождаются в мире культуры. Существование субъекта становится подлинно зрелым человеческим существованием, только присваивая себе те смыслы, которые сначала находятся вовне – в произведениях, памятниках культуры и других объективированных проявлениях духовной жизни.

Герменевтическая научная традиция не сводится к познанию истины, она скорее ориентирована на ценностно-смысловую интерпретацию действительности. Применительно к пониманию это означает, что при его анализе на передний план выступают не достоверные знания о понимаемом объекте, а ценностное отношение к нему. Последнее определяет субъективный характер интерпретации фактов, событий, явлений, т.е. ее зависимость от личностного знания, опыта, страстей и точек зрения. При этом следует иметь в виду, что субъективное – это не противополож-

ность объективного, а неотъемлемая составляющая психологического знания, современных представлений ученых о рациональности как основы научного мышления.

**Экзистенциальная традиция** исследования психической реальности проявляется в направленности ученых на анализ вариантов порождения опыта, имеющего смысл для субъекта. Экзистенциальные компоненты психики – это не столько конкретно-ситуативные ее составляющие, сколько бытийные, относящиеся к смысложизненным ориентациям. Они связаны с пониманием субъектом себя в реальных ситуациях человеческого бытия. В бытийном плане смысложизненные ориентации имеют для каждого человека не только конкретное адаптационное значение, но и более глубокий экзистенциальный смысл. К пониманию себя в мире, экзистенциальным размышлениям о себе субъект приходит благодаря ретроспективному и антиципирующему интересу к своему внутреннему миру. Они направлены на поиск смысла своего существования, своих поступков и мысленный выход за пределы не только конкретной коммуникативной ситуации, но и собственной жизни, включение ее в иную систему координат, в которой жизнь наделяется смыслом. Экзистенциальные составляющие психики воплощаются не столько в научно достоверных знаниях и познавательной деятельности, сколько в смыслах и приобщении к разнообразным ценностям. С этой точки зрения, понять – значит приобщиться к понимаемому, представляющему определенную ценность для понимающего субъекта и соотносённому со смысловыми образованиями его личности.

Для экзистенциальной парадигмы исследования психики типичным является понимание-постижение ситуаций человеческого бытия. Понятие “постижение”, с одной стороны, по объему и содержанию является более широким, чем категории “познание” и “интерпретация”. Однако, с другой стороны, оно и значительно более размыто, трудно уловимо и плохо поддается вербальному объяснению. Основная причина этого в том, что феномен постижения является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающийся рефлексивному анализу. Еще С. Кьеркегор противопоставлял свое мировоззрение картезианской уверенности в том, что бытие пронизуемо для мышления и, следовательно, может быть описано в понятиях. Он утверждал, что экзистенция есть то, что всегда ускользает от рационального понимания.

В современной экзистенциальной традиции экзистенция рассматривается как такое “внутреннее” в человеке, которое постоянно переходит во внешнее предметное бытие. Обретение экзистенции предполагает выбор, посредством ко-

того человек переходит от созерцательно-чувственного способа бытия, детерминированного внешними факторами среды, к самому себе, единственному и неповторимому. Человеческое бытие по своей сути таково, что непрерывное разворачивание мысли в нем оказывается невозможным. Получается, что человеческое бытие нередко оказывается чуждым мышлению. Доводя эту мысль до крайности, экзистенциалисты даже утверждают, что существование не позволяет мыслить [4]. Главенствующую роль играет не мышление, которое они понимают как логическое, рациональное, а постижение, основанное на интуиции, переживании, неосознаваемом знании.

Экзистенциальные представления о роли мышления в бытии существенно обогащаются благодаря результатам психологических исследований. Особенно значимый вклад в анализ соотношения осознаваемого и неосознаваемого в психике внесли выдающиеся отечественные психологи О.К. Тихомиров и А.В. Брушлинский. Тихомиров, развивая смысловую теорию мышления, установил, что в мыслительной деятельности важное значение имеют не только рефлекслируемое субъектом знание, но и невербализованные операциональные смыслы, установки, эмоциональные предвосхищения [26]. Брушлинский, осуществляя микросемантический анализ личностного и процессуального планов мыслительной деятельности, показал их отношение к сознанию и бессознательному. Он писал: "Мышление в личностном своем аспекте осуществляется в основном, но не полностью на уровне сознания, а мышление в процессуальном аспекте формируется преимущественно, но не полностью на уровне бессознательного (отчасти на уровне интуиции)" [8, с. 549]. Оба психолога были разносторонне образованными, философски грамотными учеными. Естественно, что их исследования основывались не только на психологических данных, но и на методологических основаниях развития научного познания. Неудивительно, что сегодня в их публикациях легко можно обнаружить заметный вклад, который они внесли в развитие всех трех парадигм изучения психики – и когнитивной, и герменевтической, и экзистенциальной.

В экзистенциальной традиции проблема соотношения знания и понимания ставится иначе, чем в когнитивной и герменевтической. С когнитивной точки зрения знание, в котором отражается внешний и внутренний мир, служит человеку основанием для рациональной деятельности. С герменевтической точки зрения понимание не только основывается на знании. Понимание порождается умственным действием, интерпретацией: путем выхода за пределы содержания знания, включения его в некоторый уже известный понимающему субъекту и актуализуемый им из памяти контекст.

В экзистенциальной традиции контекст нередко оказывается принципиально непознаваемым, существующим как некое непостижимое и неизреченное единство человека с миром. В русской философии это направление мысли продуктивно развивается применительно к проблеме понимания. В частности, в трудах А.С. Хомякова под пониманием "имеется в виду не понимание чего-то и даже не абстрактная способность понимать, а понимание в качестве всеединства, в качестве самопонимающего Бытия, которому, однако, не присуще сознание и самосознание" [28, с. 22]. Разумеется, русский мыслитель не полагает, что у понимающего субъекта отсутствуют сознание и самосознание. Его цель иная: доказать, что первоосновой познания действительности является такое непосредственное иррациональное понимание, которому не свойственно отчуждение от себя и рефлексия своих оснований.

В основе экзистенциальной интерпретации понимания лежит неоднократно высказываемая многими философами мысль о трудности постижения и даже неуловимости истины для разума. Главная причина интеллектуальной непостижимости истины заключается не только в ее неисчерпаемости и бесконечности, но и в несказанности. Истина оказывается гораздо больше, выше, масштабнее всего, что можно поименовать, высказать словами. Однако "ученое незнание", характеризующее гениев (невольно вспоминается Ньютон, сравнивавший себя с мальчиком, перебирающим камешки на берегу океана познания), основано на рефлексии мысли, что в неосознаваемости истины всегда в свернутом виде, неявным образом содержится знание о ней.

Учитывая сказанное, неудивительно, что с экзистенциальной точки зрения задача понимания для субъекта состоит в том, чтобы интуитивно постичь целое еще до ясного осознания его частей. Процесс понимания, предшествуя знанию, порождает плохо осознаваемый понимающим субъектом контекст понимаемого. И чем отчетливее человек осознает ограниченность своего знания, его слитность с непознаваемым контекстом, тем, как это ни парадоксально, он осмысленнее им оперирует. «Осмысленно оперировать знанием, одновременно отдавая себе отчет в принципиальной невозможности "знания о знании", в состоянии только тот, кто воспринимает его вместе с непознаваемым контекстом, т.е. *не зная, понимает*» [2, с. 42].

Для средневековых мыслителей специфика такого понимания, отличная от представлений современных когнитивистов, была неразрывно связана с вероисповеданием. Понимание считалось основанным на действии отрицания знания и восхождения к неизреченному единству человека с Богом. Сегодня, с позиции психологии челове-

ского бытия, важно подчеркнуть, что восхождение осуществляется не усилиями рационального мышления, а всем существом человека, воспаряющего к высшим духовным устремлениям и поднимающегося над смыслом отдельных слов понимаемого высказывания или письменного текста. Если субъект хочет проникнуть в суть дела, то ему нужно не задерживаться на буквальном значении отдельных слов и выражений, а стараться постичь целое. Именно так осуществляется понимание-постижение.

«Требование “подняться пониманием над смыслом слов” здесь не просто метафора, но призыв к действительному выходу в некое пространство – “пространство понимания”. Этот выход, таким образом, становится возможным только как бытийный акт, а не как мыслительная операция. Понять какое-либо высказывание означает здесь воспринять непостижимый максимум именно в том ракурсе, который и характеризуется данным высказыванием. В силу этого понимание выступает не как процесс усвоения смысла знания, но как выход в ту область (на границу знания), в которой содержатся, а вернее сказать рождаются, все возможные смыслы вообще» [там же, с. 40].

Изучая понимание-постижение, современным ученым, разумеется, нельзя ограничиться только историко-философским анализом основных положений экзистенциального подхода – нужны более конкретные психологические данные. Предпосылки для выявления бессознательных и интуитивных компонентов понимания-постижения есть в работах Брушлинского, связывавшего интуицию с неосознаваемой активностью субъекта, а также некоторых других психологов. Очевидно, что такие исследования методически очень сложны, но безусловно необходимы.

Итак, с позиций психологии человеческого бытия очень значимыми и перспективными представляются взаимно дополняющие друг друга исследования психики, которые проводятся учеными, придерживающимися трех разных парадигм: когнитивной, герменевтической и экзистенциальной. Когнитивный, герменевтический и экзистенциальный планы изучения психики – это та реальность, которая прослеживается в работах многих современных психологов. Однако в публикациях и докладах большинства из них эти планы присутствуют не как “и”, а как “или”. Мало кто способен посмотреть на психологические проблемы (мышления, мотивации, оптимизма и т.д.) с позиций разных парадигм. В результате многие психологи могут вполне профессионально и квалифицированно обсуждать, к примеру, феномен понимания как познавательный феномен. Когда же речь заходит об экзистенциальных аспектах проблемы, то выясняется, что представления о них у этих психологов весьма смутные, неопределенные и

явно не научно рациональные. Однако, к счастью, в российской психологии имеются и редкие исключения из этого правила. Поразительной широтой кругозора, диапазоном научного мышления, позволяющим объединять фрагментарные знания из разных дисциплин в единую картину человекознания, обладал Б.Г. Ананьев. В этом отношении на него был очень похож его современник – Андрей Владимирович Брушлинский. Он принадлежал к тем редким энциклопедически образованным ученым, в научном мировоззрении которых названные направления исследований человеческой психики представляли собой неразрывное целое. Неудивительно, что он мог на уровне не смутных догадок и мнений, а квалифицированного психологического анализа исследовать и когнитивные, и экзистенциальные проблемы. Множество подтверждений этого содержится в его опубликованных трудах [6–8]. Формирование психологии человеческого бытия стало возможным только на основе психологии субъекта Брушлинского. Я уверен, что неисчерпаемые идеи Андрея Владимировича в обозримом будущем еще не раз станут побудительным толчком, отправной точкой для развития новых знаний о психологии человека.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арестова О.Н.* Аффективные искажения в понимании пословиц // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 83–93.
2. *Бакеева Е.В.* Апофатическое мышление как “метод” понимания // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 29. С. 37–43.
3. *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. М.: АСТ; М.: АСТ Москва; М.: Хранитель, 2006.
4. *Большов О.Ф.* Экзистенциальная философия. СПб.: Лань, 1999.
5. *Брудный А.А.* Понимание как философско-психологическая проблема // Вопросы философии. 1975. № 10. С. 109–117.
6. *Брушлинский А.В.* Исходные основания психологии субъекта и его деятельности // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.: Институт психологии РАН, 1997. С. 208–269.
7. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
8. *Брушлинский А.В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
9. *Доблаев Л.П.* Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М.: Педагогика, 1982.
10. *Закирова А.Ф.* Педагогическая герменевтика: М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 2006.
11. *Знаков В.В.* Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 2. С. 7–15.



12. Знаков В.В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 2. С. 95–106.
13. Знаков В.В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007.
14. Иомдин Б.Л. Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 517–612.
15. Крюкова Т.Л. Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 2. С. 5–15.
16. Лабунская В.А. Психологический портрет субъекта затрудненного общения // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 5. С. 14–23.
17. Лосев А.Ф. Хаос и структура. М.: Мысль, 1997.
18. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995.
19. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
20. Рябикина З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. С. 45–58.
21. Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология: Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 6–28.
22. Селиванов В.В. Мышление и бытие субъекта // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. С. 146–160.
23. Сергиенко Е.А. От когнитивной психологии к психологии субъекта // Психол. журн. 2007. Т. 28. № 1. С. 19–27.
24. Сергиенко Е.А. Системно-субъектный подход: субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни // Тенденции развития современной психологической науки: Тез. юбилейной научной конференции / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007. Ч. I. С. 194–195.
25. Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. С. 9–44.
26. Тихомиров О.К. Теоретические проблемы исследования бессознательного // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 31–39.
27. Харламенкова Н.Е. Проблема развития субъекта в работах А.В. Брушлинского // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. С. 85–94.
28. Холодный В.И. А.С. Хомяков и современность: зарождение и перспективы соборной феноменологии. М.: Академический проект, 2004.
29. Bohme G. Sense and counter-sense: On the Deconstruction of stories // Journ. Studia Culturologica. 1994. V. 3. Spring–Autumn. P. 103–117.
30. Bruner J. Two Modes of Thought // Actual Minds, Possible Worlds. L.: Harvard University Press, 1986. P. 11–43.
31. Johnson-Laird P.N. Mental Models – Towards a Cognitive Science of Language, Inference and Consciousness. Cambridge M.A.: Harvard University Press, 1983.
32. Shank R.C. et al. What’s the point? // Cognitive science. 1982. V. 6. № 3. P. 255–275.

## HUMAN EXISTENCE PSYCHOLOGY – ONE OF THE APPROACHES IN THE PSYCHOLOGY OF THE SUBJECT DEVELOPMENT

V. V. Znakov

*Sc.D. (psychology), professor, leading research assistant, Psychological Institute of PAS, Moscow*

The preliminary results of originated from A.V. Brushlinsky’s psychology of the subject, human existence psychology forming are presented. Three main paradigms of psyche study from the stand point of human existence psychology are described: cognitive, hermeneutic and existential. Three types of understandings in accordance with the named approaches to scientific analysis of subject’s psyche – understanding – knowing, understanding – interpretation, understanding – comprehension are revealed. The contexts in which modern psychological studies are carried out by the followers of the three scientific paradigms are examined.

*Key words:* psychology of the subject by A.V. Brushlinsky, human existence psychology, understanding, cognitive, hermeneutic and existential scientific traditions in psyche studies.